

ТАЙНЫЕ ПИСЬМА

ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 84-65
ББК 63.3(0)-8
Т14

*Все права защищены.
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично,
без разрешения правообладателей
будет преследоваться в судебном порядке*

Т14 Тайные письма великих людей / сост. А. Чеботаревской ; предисл. Ф. Сологуба. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 + [36 ил.] с. : ил. — (Тайные письма великих).

ISBN 978-5-17-104738-2

Все тайное, сокрытое, все, что отражалось в амальгаме времени, когда-нибудь проступает сквозь хронологическую патину, пусть не четким, пусть размытым контуром, но все же — становится явным. Равно как и рукописи, письма не горят. Хотя некоторые из них, по умыслу их авторов и адресатов, должны были бы обратиться в пепел...

«Тайные письма великих людей» — собрание корреспонденции, которая вовсе не предназначалась для постороннего прочтения. Тем не менее, благодаря коллизиям судьбы, а иногда по умыслу или неосторожности, некоторые эпистолы дошли до современного читателя. Это прелюбопытнейшие иллюстрации куртуазных нравов XVIII–XIX веков, будто заново наполняют жизнью тени прошлого, и тени ложатся на памятники, и памятники оживают.

Текст приводится в дореволюционной орфографии.

УДК 84-65
ББК 63.3(0)-8

ISBN 978-5-17-104738-2

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2017

Эту книгу посвящаю
Константину Андреевичу СОМОВУ.

П. Е. Щеголеву и М. О. Гершензону,
*за ихъ добрыя указанія въ дѣль созданія этой книги,
приношу искреннюю благодарность.*

Предисловіе

Ни въ чемъ такъ полно, радостно и свѣтло не выражается душа человѣка, какъ въ отношеніяхъ любви. Когда къ человѣку приходитъ любовь, могущественная сила, движущая мірами и сердцами, низводящая небо на землю и землю преображающая въ сладостный Эдемъ, то въ душѣ человѣка умираетъ все случайное и раскрываются лучшія ея стороны. Какъ цвѣтеніе по веснѣ, какъ звонкій и страстный голосъ и красивое опереніе у птицъ, такъ и въ человѣкѣ, въ его тѣлесномъ и душевномъ обликѣ, возникаютъ очаровательные признаки, прельщающіе не потому только, что они сами по себѣ прекрасны, но и потому, что въ нихъ наиболѣе ярко выражены индивидуальныя черты наиболѣе ясно соприкасаются съ началомъ безконечнаго, съ тѣмъ неутолимымъ стремленіемъ къ идеальному и недостижимому, которое заложено въ каждой живой душѣ.

Всѣ мы любимъ такъ же, какъ понимаемъ міръ. Исторія любви каждого человѣка — точный слѣпокъ съ исторіи его отношеній къ міру вообще. Образъ любимой, носящійся въ восторженныхъ мечтахъ влюбленнаго, и образъ любимаго въ мечтахъ влюбленной — вотъ наиболѣе ясные и неложные символы ихъ міроощущенія. Недаромъ изображенія любви и любовныхъ тревогъ и томленій занимаютъ такое большое, такое центральное мѣсто въ произведеніяхъ искусства всѣхъ временъ. Это происходитъ не отъ того, что поэты, живописцы, скульпторы обуреваемы любовнымъ пыломъ, а потому, что вѣрный творческій инстинктъ указываетъ имъ то состояніе человѣка, когда душа его наиболѣе открыта верховнымъ началамъ добра, истины и красоты. Тотъ, кто любитъ, не только требуетъ, но и отдаетъ, — не только жаждетъ наслажденій, но и готовъ къ наивысшимъ подвигамъ самоотреченія. Зажженный любовью, онъ дерзаетъ и на то, что превышаетъ его силы.

Составленная въ свѣтъ этихъ общихъ положеній, предлагаемая вниманію читателей книга не является сборникомъ писемъ эротическихъ въ тѣсномъ значеніи этого слова; равнымъ образомъ, ее не слѣдуетъ разсматривать, какъ сборникъ, имѣющій притязанія на историческую полноту и законченность. Эта книга имѣетъ характеръ исключительно *психологическій*; она задается цѣлью поставить читателя передъ зрѣлищемъ души, глубоко и сильно переживающей всякое чувство, полнозвучно отзывающейся на всякое проходящее передъ нею явленіе, — однимъ словомъ, передъ зрѣлищемъ души, озаренной любовью.

Письма, собранныя въ этой книгѣ и написанныя тѣми, кто любилъ, къ тѣмъ, кто были любимы, говорятъ о любви, но не объ одной только любви. Душа, просвѣтленная любовью, весь кругъ своихъ переживаній озираетъ съ особеннымъ, иногда возвышеннымъ, иногда нѣжно-интимнымъ, иногда страстнымъ, иногда еще иначе окрашеннымъ, но всегда значительнымъ чувствомъ. Только тѣ письма, въ которыхъ выражается это очаровательное изліяніе любви на весь кругъ и повседневныхъ и чрезвычайныхъ переживаній, только ихъ и выбирала составительница этой книги, и только тѣхъ авторовъ включила она въ кругъ своего выбора, которые давали въ своихъ письмахъ эту восхитительную эманацию любви.

Федоръ Сологубъ.

Нинонъ де Ланкло — маркизу Севинье¹

Нинонъ де ЛАНКЛО (1615—1706), знаменитая куртизанка, прославленная красотой и умомъ; извѣстны ея письма къ маркизу Севинье — одному изъ ея многочисленныхъ возлюбленныхъ. Сынъ знаменитой Севинье влюбился въ Нинонъ, когда ей было уже 56 лѣтъ, но чары ея обаянія еще долго спустя кружили головы. Въ письмахъ она обнаружила большой умъ, весьма склонный къ резонерству.

Вы полагаете, многоуважаемый, что нашли неопровержимое доказательство, ставя мнѣ на видъ, что надъ собственнымъ сердцемъ вы не властны: нельзя его подарить кому хочешь, и потому вы не свободны въ выборѣ предмета влеченія... Что за оперная мораль! Оставьте этотъ трюизмъ женщинамъ, которыя этимъ готовы всегда оправдать свои слабости; имъ нужно имѣть на что ссылаться. Это напоминаетъ того добраго дворянина, котораго описалъ Монтэнъ: когда его трепала подагра, онъ такъ сердился, что готовъ былъ закричать: проклятая ветчина!

Значить, все дѣло въ сердечномъ влеченіи... Говорятъ, это сильнѣе меня... Можно ли управлять своимъ сердцемъ?... Когда женщины приводятъ столь вѣскія основанія, то имъ не рѣшаются на это возражать. Онѣ даже такъ утвердили эти положенія, что, если бы кто бы захотѣлъ ихъ оспаривать, то очутился бы въ противорѣчій со всѣмъ свѣтомъ. Но почему эти странныя утвержденія находятъ столько сторонниковъ? Да потому, что весь свѣтъ въ этомъ заинтересованъ. Не замѣчаютъ, что подобныя извиненія, далеко не оправдывая ошибокъ, укрѣпляютъ сознаніе своей неправоты; и не забывайте, что на судьбу ссылаются

¹ Всѣ даты и цифры взяты текстуально.

только тогда, когда дѣло идетъ о худомъ выборѣ. Упрекають природу, когда дѣло идетъ о безпорядочной склонности, и въ то же время приписываютъ своему собственному уму всю честь разумной любви. Мы хотимъ оберегать свободу только для того, чтобы ее обманывать. Если же мы совершаемъ глупость, — то насъ вынуждаетъ къ этому неодолимая сила. Мы бы могли сказать о природѣ то же самое, что сказала Ла-Фонтэнъ о счастьѣ.

Добро — создаемъ мы, а зло — природа.

Мы всегда — правы, неправы лишь — судьба.

Изъ этого вы можете заключить, что я не соглашаюсь съ сужденіемъ большинства. Любовь произвольна — это, разумѣется, я признаю, т. е. мы не въ состояніи предусмотрѣть или предотвратить перваго впечатлѣнія, производимаго кѣмъ-нибудь на насъ. Но въ то же время я утверждаю, что возможно, — какъ глубоко бы ни казалось намъ это впечатлѣніе — его смягчить или вовсе парализовать, и это даетъ мнѣ право осудить всякую безпорядочную или позорную склонность. Какъ часто мы наблюдали, что женщины могли подавить охватившую ихъ слабость, лишь только убѣждались въ недостойности предмета своей страсти. Сколькія изъ нихъ побороли нѣжнѣйшую любовь и пожертвовали соображеніями безопасности! Разлука, отъѣздъ, время, — все это лѣкарства, противъ которыхъ никакая страсть — какъ бы ни казалась она пылкой — не устоитъ: постепенно она ослабѣваетъ и, наконецъ, совсѣмъ потухаетъ. Какой изъ этого всего выводъ? — Любовь сильна — лишь благодаря нашей слабости.

Я знаю, что требуется напряженіе всего нашего интеллекта, чтобы выйти съ честью изъ такого положенія; я понимаю также, что трудности, связанные съ подобной побѣдой, не всякому способны дать мужество — начать эту борьбу; и хотя я убѣждена, что въ этой области не существуетъ непобѣдимаго влеченія, — но все же я думаю, что на дѣлѣ очень мало побѣдителей, и почему? Потому что не рѣшаются даже попытаться. Въ концѣ-концовъ я полагаю, что въ нашемъ случаѣ дѣло идетъ лишь объ ухаживаніи, и было бы глупо васъ мучить, чтобы побѣдить влеченіе къ какой-либо болѣе или менѣе достойной любви дамѣ. А такъ какъ вы еще ни въ одну изъ нихъ не влюбились, то я только хотѣла выяснитъ основанія, которыя, на мой взглядъ, вѣрнѣе всего способны обезпечить вамъ счаст-

ливое будущее. Было бы, конечно, желательно, чтобы тонкія чувства, дѣйствительныя достоинства, имѣли бы больше власти надъ нашими сердцами, чтобы они были въ состояніи заполнить ихъ и запечатлѣться навсегда. Но опытъ показываетъ, что на дѣлѣ это не такъ. Вѣдь я разсуждаю не о томъ, чѣмъ вы *должны быть*, но о томъ, что вы *представляете* въ дѣйствительности: мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы показать вамъ, каково ваше сердце, а не какимъ я бы желала его видѣть. Я первая скорбѣла о порчѣ вашего вкуса, какъ ни снисходительно я отношусь къ вашимъ капризамъ. Но, не будучи въ состояніи измѣнить вашего сердца, я хочу, по крайней мѣрѣ, научить васъ, какъ извлечь изъ него бѣольшую пользу: не имѣя возможности сдѣлать васъ благоразумнымъ, я стараюсь сдѣлать васъ счастливымъ. Въ старину говорили: желать уничтожить страсти — равносильно желанію уничтожить насъ самихъ; надо только умѣть управлять ими. Въ нашихъ рукахъ страсти — тоже, что лѣчебныя яды: приготовленные искуснымъ химикомъ, они превращаются въ благотѣльные лѣкарства.

Нѣтъ, маркизъ, любопытство г-жи де-Севинье нисколько меня не оскорбило: напротивъ, мнѣ очень лестно, что она пожелала увидать письма, которыя вы получаете отъ меня. Разумѣется, она предполагала, — если идетъ разговоръ о любви, то, конечно, это касается меня; но она убѣдилась въ противномъ. Теперь она признаетъ, что я менѣе легкомысленна, чѣмъ она то себѣ представляла; я считаю ее достаточно справедливою, чтобы отнынѣ она составила себѣ о Нинонѣ другое представленіе, чѣмъ имѣла раньше: ибо мнѣ не безызвѣстно, что обо мнѣ обычно отзываются не слишкомъ благопріятно. Однако ея несправедливость никогда не можетъ повліять на мою дружбу къ вамъ. Я достаточно философски смотрю на жизнь, чтобы не огорчаться мнѣніемъ людей, судящихъ меня не зная. Но, что бы ни случилось, я буду продолжать говорить съ вами съ моей обычной откровенностью; я убѣждена, что г-жа де-Севинье, несмотря на большую свою сдержанность, въ глубинѣ души чаще бу-

детъ соглашаться со мною, чѣмъ это кажется. Перехожу къ тому, что касается васъ.

Итакъ, маркизь, послѣ безконечныхъ стараній, вамъ кажется, что вы, наконецъ, умилиствовали каменное сердце? Я отъ этого въ восторгѣ; но мнѣ смѣшно, когда вы начинаете разъяснять мнѣ чувства графини. Вы раздѣляете обычную ошибку мужчинъ, отъ которой вамъ нужно отказаться, какъ бы ни была она для васъ лестна. Вы предполагаете, что только ваши достоинства способны зажечь страсть въ сердцѣ женщины, и что сердечныя и умственныя свойства служатъ единственными причинами любви, которую питають къ вамъ женщины. Какое заблужденіе! Разумѣется, вы думаете это потому, ибо этого требуетъ ваша гордость. Но изслѣдуйте безъ предубѣжденія, по возможности, побуждающіе васъ мотивы, и скоро вы убѣдитесь, что вы обманываете себя, а мы обманываемъ васъ; и что по всѣмъ соображеніямъ вы являетесь одураченнымъ вашимъ и нашимъ тщеславіемъ; что достоинства любимаго существа только являются случайностью или оправданіемъ любви, но никакъ не ея истинной причиной; что, наконецъ, всѣ эти чрезвычайныя уловки, къ которымъ прибѣгаютъ обѣ стороны, какъ бы входятъ въ желаніе удовлетворить потребность, которую я раньше еще назвала вамъ первопричиной этой страсти. Я высказываю вамъ здѣсь жестокою и унижительную истину; но отъ этого она не дѣлается менѣе достовѣрной. Мы, женщины, являемся въ міръ съ этой неопредѣленной потребностью любви, и если мы предпочитаемъ одного другому, скажемъ откровенно, мы уступаемъ не извѣстнымъ достоинствамъ, а скорѣе безсознательному, почти всегда слѣпому инстинкту. Я не хочу приводить доказательствъ того, что существуетъ слѣпая страсть, которою мы опьяняемся иногда по отношенію къ незнакомцамъ или къ людямъ, недостаточно намъ извѣстнымъ для того, чтобы нашъ выборъ не являлся всегда въ своемъ основаніи безразсуднымъ: если мы попадаемъ счастливо, то это — чистая случайность. Слѣдовательно, мы привязываемся всегда, не производя достаточнаго экзамена, и я буду не совсѣмъ не права, сравнивъ любовь съ предпочтеніемъ, которое мы отдаемъ иногда одному кушанью передъ другимъ, не будучи въ состояніи объяснить причины этого. Я жестоко разсѣиваю химеры вашего самолюбія, но я говорю вамъ правду. Вамъ льститъ любовь женщины, ибо вы пред-

полагаете, что она считается съ достоинствами любимаго существа: вы оказываете ей слишкомъ много чести, скажемъ лучше, вы слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія. Вѣрьте, что мы любимъ васъ совсѣмъ не ради васъ самихъ: надо быть искреннимъ, въ любви мы ищемъ только собственнаго благополучія. Прихоть, интересъ, тщеславіе, темпераментъ, матеріальныя затрудненія, — вотъ что тревожитъ насъ, когда наше сердце не занято, вотъ причины тѣхъ великихъ чувствъ, которыя мы хотимъ обожествлять. Вовсе не великія достоинства способны насъ умилять: если они и входятъ въ причины, располагающія насъ въ вашу пользу, то вліяютъ они совсѣмъ не на сердце, а на тщеславіе, и большинство свойствъ, нравящихся намъ въ васъ, часто дѣлаютъ васъ смѣшными или жалкими. Но что вы хотите? Намъ необходимъ поклонникъ, поддерживающій въ насъ представленіе о нашемъ превосходствѣ, намъ нуженъ угодчикъ, который исполняетъ наши прихоти, намъ необходимъ мужчина. Случайно намъ представляется тотъ, а не другой; его принимаютъ, но не избираютъ. Словомъ, вы считаете себя предметомъ безкорыстной симпатіи, повторяю, вы думаете, что женщины любятъ васъ ради васъ самихъ. Несчастные простофили! Вы служите только орудіемъ ихъ наслажденій или игрушкой ихъ прихотей. Однако, надо отдать справедливость женщинамъ: все это совершается часто безъ ихъ вѣдома. Чувства, которыя я изображаю здѣсь, часто имъ самимъ совершенно не ясны; наоборотъ, съ самыми лучшими намѣреніями онѣ воображаютъ, что руководствуются великими идеями, которыми питаетъ ихъ ваше и ихъ тщеславіе, и было бы жестоко несправедливо обвинять ихъ въ фальши на этотъ счетъ: безсознательно онѣ обманываютъ самихъ себя и васъ также.

Вы видите, что я раскрываю предъ вами секреты доброй Богини: судите о моей дружбѣ, если я, въ ущербъ моему же полу, стараюсь васъ просвѣтить. Чѣмъ лучше будете вы знать женщинъ, тѣмъ менѣе онѣ заставятъ васъ безумствовать.

